

Татьяна Андрианова

**ЭЛЬФЫ ДО ДОБРА НЕ ДОВОДЯТ
ЗА ЧТО НЕ БЕРУТСЯ ДАЖЕ ДЖИННЫ
АДСКИЕ ПОИСКИ**

**БЕЗОБИДНОЕ ХОББИ
ТАНЕЦ С НЕЖИТЬЮ**

**ХРЕНОДЕРСКИЙ ПЕРЕПОЛОХ
И ГРЯНУЛ В ХРЕНОДЕРКАХ ГРОМ...**

Трилогия
«ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ВЕДЬМА!»

**ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ВЕДЬМА!
ЭЛЬФ ВЕДЬМЕ НЕ ТОВАРИЩ
ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ЭЛЬФА**

Татьяна Андрианова

Танец с нежитью

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А65

Художник
С. Бабкина

Андрианова Т.

А65 Танец с нежитью: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 312 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2163-3

Тяжело быть некромантом, а некроманткой в особенности: никто тебя всерьез не воспринимает, ни люди, ни нежить. Какой-то оборотень и тот в окно спальни заглянуть норовит. А тут еще в Загорске неизвестный некромант объявился и принялся проводить жестокие обряды на кладбище. Травнице Ангелле, она же по совместительству и некромантка, нужно срочно злодея найти и приструнить, пока маги не заинтересовались его попытками создать зомби. Вампиры тоже озаботились данным вопросом. Ко всему еще и новый маг в Загорск приехал и явно в чем-то ее подозревает. Да и Требор объявился, а это точно к добру не приведет. В общем, в Загорске жизнь бьет ключом... да и не в Загорске, как оказалось, тоже...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Татьяна Андрианова, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2163-3

ГЛАВА 1

Большинство обывателей считает, будто некромант — профессия простая, непыльная и к тому же хорошо оплачиваемая. А что? Плевое дело — ходи себе по кладбищу насвистывая да денежки с обеспокоенных пропажей части наследства родственников получай. Так уж вышло, что мы, люди, не знаем своего последнего часа и копим деньги на черный день с таким рвением, словно всерьез рассчитываем прожить вечность. Но вот незадача — мы далеко не бессмертны. И как бы мы ни старались, нам ничего не забрать с собой на тот свет. Поэтому большинство моих клиентов — это безутешные родственники, которые жаждут узнать у покойного, где именно его угораздило зарыть кубышку с неучтенным золотом. Иногда клиенты желают получить ответы на вопросы, которые не решались задать покойному при жизни. Но это гораздо реже. Услуги некроманта недешевы, а вид поднятого из могилы мертвеца зачастую отрицательно сказывается на пищеварении неподготовленного человека.

Другое заблуждение заключается в том, будто некроманты предпочитают держать у себя исключительно слуг-зомби. Им, мол, и платить не надо, и делать можно заставить все что угодно, а они и не подумают возразить. Скажу прямо: я не сторонница таких слуг. Во-первых, это негигиенично. Процесс разложения поднятого трупа можно остановить, это не проблема. Проблема в другом. У зомби совершенно отсутствует чувствительность к боли.

Он может запросто отхватить себе палец тесаком и даже не заметить этого, а вот чей-то палец в моем супе станет очень даже заметен. Во-вторых, я хоть и являюсь некроманткой (наверняка вы об этом уже догадались), но большинство окружающих знает меня как скромную травницу, которая держит маленькую лавку и торгует различными сладостями и чаем, а потому соседней может шокировать наличие у меня в услужении живых мертвецов. Как ни крути, а зомби в нашем Загорске — экзотика.

Третье заблуждение — это то, что некромантом может стать только мужчина и дар некромантии совершенно недоступен особам женского пола. А вот и нет. Ошибаются господа маги. Именно такой дар мне достался при рождении.

Все вышеизложенное отчасти объясняет, почему я, Ангелла, миниатюрная блондинка с голубыми глазами, безлунной ночью зябко куталась в черный плащ, пробираясь среди скорбных холмиков кладбища родного Загорска. И это в тот час, когда порядочной девушке полагается видеть если не десятый сон, то хотя бы седьмой.

Луна, стыдливо спрятавшись среди облаков, изредка роняла скудный неверный свет сквозь их рваные клочья, похожие на лохмотья бедняка. Посеребренные кроны кладбищенских деревьев шелестели как-то особенно зловеще, а сухие ветви казались крючковатыми щупальцами неведомого чудовища, коварно тянущегося, чтобы ошупать окружающее пространство, ну и заодно опутать зазевавшегося прохожего. Пейзаж заставлял тоскливо сжиматься даже мое закаленное многочисленными кладбищенскими прогулками некромантское сердце. Что уж говорить об обычных людях? Кстати, я успешно пользовалась людскими страхами, когда приходилось работать в присутствии заказчиков. Никто не должен догадаться, что злобный нелюдимый некромант, творящий жуткую волшбу в своем старом доме на кладбище, — это я, такая хрупкая и безобидная на вид девица. Никому и в голову не при-

ходило сдернуть низко надвинутый на глаза капюшон, чтобы полюбоваться на истинный облик того, кто поднимает мертвеца из земной могильной толщи. Вот и славно. И пусть по Загорску ползли слухи один другого нелепее о том, что у меня (то есть у злобного некромансера) свиное рыло, три головы, пузо набекрень и к тому же хвост, чешуйчатый, как у змеи, это мне было только на руку. А стаи немертвых собак и таких же немертвых летучих мышей исправно охраняли покой дома на кладбище от излишне ретивых и любопытных.

Вот и сейчас мои маленькие прислужницы, активно работая кожистыми крыльями и радостно вереща, слетелись ко мне со всех концов кладбища, которое патрулировали. Я протянула руку, и одна из мышей, самая крупная, тут же доверчиво опустилась на предложенный насест и выжидательно уставилась на меня блестящими глазками-бусинками.

Я нежно погладила указательным пальцем ее шерстку между крыльев. Пусть это всего лишь нежить, но даже немертвой летучей мыши приятна ласка хозяина. Или мне так хочется думать?

— Лети, моя маленькая помощница, — шепнула я, подбрасывая мышшь вверх.

Но разве говорим мы своей руке: «Возьми то или это», а ногам: «Шагайте по дороге»? Так и мне вовсе не обязательно озвучивать свои желания при общении со своими созданиями. Это моя сила наполняла их не-жизнью, мой дар заставлял их мышцы работать, сердца — биться, а глаза — видеть.

Я мысленно, с помощью связи, что существовала между нами, потянулась к своим крылатым созданиям, чтобы иметь возможность осмотреть окрестность их глазами. Странно обрести столько органов зрения разом. К тому же летучие мыши видят мир иначе — они словно ощупывают пространство с помощью особых звуков. Звуки отражаются от окружающих предметов и возвращаются обратно,

передавая своеобразную картинку. Именно поэтому ночные летуны прекрасно ориентируются в темноте. Им вообще не нужен источник света. Подобный опыт использования летучих мышей у меня уже имелся, поэтому возникшая было поначалу дезориентация в пространстве быстро прошла.

Он стоял практически в центре кладбища, под большим раскидистым дубом. Тем самым, с которого не так давно рухнул капитан городской стражи Роланд. Да так неудачно, что еле собрали. Медуза Горгулиса пришлось вызывать для экстренного исцеления особыми методами. Ну это дела прошлые, хотя еще не до конца забытые.

Алази — вампир, чьи красновато-рыжие волосы блестящим водопадом ниспадали на белый батист дорогой сорочки. Этот высокий роскошный вампирюга с разноцветными глазами (один голубой, другой зеленый) был выделен мне местным принцем вампиров.

— В качестве раба, — уточнял его высочество Баркиарок.

— В качестве слуги, — мягко улыбался Алази, понимаете ли предварительно убедившись, что Баркиарок его вольнодумства не слышит.

Положа руку на сердце, мне было все равно, как именовать Алази. Меня волновало всего два вопроса. Первый — с чего это Баркиарок так расщедрился? Вампиры, насколько мне известно, — одна из самых практичных рас, у них просто так зимой снега не допросишься. И второй — почему мой раб, или слуга (нужное подчеркнуть), одевается лучше, чем я? Может, так принято в высшем свете? Раньше у меня никогда не было слуг, и порасспросить о них откровенно не у кого. Конечно, в мой магазинчик иногда заглядывают вполне состоятельные особы вроде бабки Манефы, но эта достойная купчиха так и норовит вцепиться в меня, как клещ — в единственную телушку, и ни за что не отцепится, не вытянув все подробно-

сти. При ее бульдожьей хватке скорее не я буду расспрашивать ее о том, как обращаться со слугами, а она вымотает мне все нервы, чтобы вызнать, откуда у меня деньги на слугу и где этот самый слуга обретается, если его никто из соседей не видел. Да и зачем он понадобился в маленькой лавке, где и самой травнице-хозяйке не всегда есть чем заняться? Посему, не мудрствуя лукаво, я загрузила Алази ремонтом своего дома на кладбище и посадками трав там же, в саду. Если учесть, что здание раньше принадлежало чернокнижнику и точного количества комнат не знал никто (оно постоянно трансформировалось, и я не всегда была уверена, где находится собственная кухня), то работ вампиру с лихвой хватит лет на двести.

Алази выпростал бледную руку с безупречным маникюром из кипенно-белых манжет, и летучая мышка тут же доверчиво спикировала на нее. Черт побери! Мои летучие мыши просто без ума от этого красноволосого вампира. Мои неживые собаки тоже его обожают и все время норовят потереться о его ноги или преданно лизнуть руку. Даже мой готический домовой чуть ли не подпрыгнул выше забора от радости, лишь только узрел эту смазливую нежить на пороге. Если так пойдет дальше, мне скоро не будут рады в собственном доме. Досадно.

— Некромантка... — Вкрадчивый шепот вампира был похож на тихий шелест листьев под дуновением нежнейшего ветерка. Он пробегал по коже сладким предвкушением чего-то восхитительно запретного. — Я жду тебя...

Последнее прозвучало как некое обещание, от которого сердце затрепетало и упало куда-то вниз живота, распространяя вокруг трепетное, словно взмахи крыльев бабочек, предчувствие.

Он медленно провел большим пальцем по спинке мыши, осторожно помассировал, заглядывая в глаза зверька своими пронзительными разноцветными глазами, словно пытался рассмотреть суть души.

— Иди же...

И я пошла. Не потому, что голос вампира магическим образом воздействовал на подсознание, притягивая потенциальную жертву, как хищная рептилия, мастерски имитирующая языком червячка, чтобы приманить поближе добычу. Нет. Все было гораздо прозаичнее. Причиной моего сегодняшнего появления на кладбище послужил именно вампир с красновато-рыжими волосами. Он прислал весть через медузу Горгулиса, заинтриговав до крайности, но умудрился ни словом не обмолвиться о цели встречи.

Горгулис проживал в Загорске не совсем легально. О его существовании мало кто догадывался, уж больно специфическая у него внешность. Это и понятно. Когда вместо волос на голове — клубок разноцветных змей, сложно рассчитывать на спокойную реакцию окружающих. Это одна из причин, почему медузы крайне редко селятся в городах. Другая причина — медузы (точнее, их змейки) питаются мелкой нежитью — шморлями. Обнаружить и поймать тварюшку может лишь некромант. Оттого я доверяла медузу больше, чем бывшему другу магу Требору. Горгулис, регулярно снабжающий меня (точнее, злобного некроманта) заказами и ядом своих разноцветных змей, целиком зависел от поставки шморлей. В случае моей безвременной кончины медузу придется искать другого некроманта, а тогда избежать рабства вряд ли удастся.

Требор же натравил на меня стаю кладбищенских трупоедов, и это плохо сказалось на наших отношениях. Согласитесь, сложно дружить с человеком, который пытался тебя убить.

Не заметить Алази в его белой шелковой рубашке даже ночью мог только слепой. Одна из моих летучих мышей все еще кружила вокруг него, надеясь на мимолетную ласку, а он упорно делал вид, будто не замечает ее возмущенного писка. Позер.

— Моя госпожа, — шепнул он, и ветер донес до меня его слова, будто он стоял рядом у моего плеча и нежно шептал на ухо.

Как ему это удается?

— Алази, — приветливо кивнула я, но тут же поскользнулась и чуть не рухнула в свежевыкопанную могилу.

«Вот черт! Некромантка, которая не знает собственно-го кладбища!» — с досадой подумала я.

Признаюсь, я тщательно готовилась к этой встрече. Общение с вампиром — это вам не кошка чихнула. Насколько мне известно, эти ребята могут затуманить разум настолько, что вы будете радостно улыбаться и благодарить, пока вам будут медленно перепиливать конечности старой ржавой тупой пилой. Сама я об этом только читала — при всем своем любопытстве мне хватило ума не проверять возможности нежити на собственном опыте.

Собираясь на деловое свидание, я облачилась в обтягивающие кожаные штаны, такую же куртку, высокие сапоги и задрапировалась в черный плащ наподобие тех, что носят в криминальном районе, расположенном неподалеку от кладбища. В многочисленные потайные карманы засунула различные магические амулеты. Как оказалось, от собственной неловкости они совершенно не помогали. Хорошо хоть Алази крепко схватил меня за талию, не дав свершиться головокружительному падению.

— Какие уроды додумались выкопать здесь дурацкую яму?! — искренне возмутилась я и воззрилась на Алази с таким видом, словно подозревала, что именно он, вооружившись лопатой, собственноручно вырыл могилу на моем пути чисто для того, чтобы я имела возможность переломать себе ноги, свалившись в нее.

— Могильщики? — невинно предположил вампир.

— Умный, да? — злобно процедила я.

Луна вновь выглянула сквозь лохматые тучи, и я получила дивную возможность оценить глубину ямы. Да-а-а.

Постарались на славу. Сработали, так сказать, на совесть. Сил не пожалели. В такую угодишь — костей не соберешь.

— В этой части кладбища давно не хоронят, — ехидно известила я вампира и ткнула его в широкую грудь указательным пальцем для особой доходчивости. Тут же поморщилась от боли. Все равно, что в кусок мрамора: Алази хоть бы хны, а пальцу больно.

— Не хочу расстраивать мою госпожу, — насмешливо фыркнул вампир, — но хорошие места всегда в цене. Те, у кого нет собственного семейного склепа, но есть достаточно золота, готовы дорого заплатить за могилу именно здесь.

«Покусай меня упырь!» — мысленно выругалась я. Ведь сама прекрасно знала об этом и так опростоволосилась. Второй раз за ночь. Теперь наглый вампирюга с умным видом читает мне, некромантке, лекцию об особенностях захоронения на местном кладбище. Позорище.

— Надеюсь, ты пригласил меня не для того, чтобы обсудить законность захоронений в центре? — мрачно поинтересовалась я, пытаюсь смерить оппонента уничижительным взглядом, что мне, понятное дело, не удалось.

И отчего мне достался такой высоченный вампир? Хотя при моем малом росте почти любой окажется выше... Вампир не спешил меня отпускать, по-прежнему прижимая к себе, и сейчас моя макушка находилась чуть выше солнечного сплетения Алази. Чтобы посмотреть на вампира, я была вынуждена задирать голову. В результате все равно лицезрела лишь бледный, никогда не видевший солнечного света подбородок. Да и моя шея сильно болела от напряжения.

— Разумеется, нет, — спокойно откликнулся Алази, легко приподнял меня и поставил в сторону, подальше от края. За это я была ему очень благодарна, но вслух благодарить не стала. Это из-за него я оказалась здесь в такой час, когда порядочная девушка должна видеть если не де-

сятый, то, по крайней мере, седьмой сон. — Тут и других странностей хватает, — напустил еще больше тумана он.

— Например? — осторожно поинтересовалась я, и в душе шевельнулось тревожное предчувствие надвигающейся беды.

— Некромантией кто-то балуется, — тихо, словно боялся, что нас подслушает кто-то посторонний, промолвил он.

Только ведь не было никого, кроме нас, на кладбище. Летучие мыши, мои маленькие разведчицы, исправно махали своими кожистыми крыльями, патрулируя окрестности. Не было даже приبلудившихся кошек или собак, что порой прибегают на кладбище и таскают подношения, оставленные на могилках родственниками. Животные тем и отличаются от людей, что гуляют сами по себе там, где им заблагорассудится, и вольны заниматься чем захочется без стеснения и зазрения совести.

— Уверен? — на всякий случай уточнила я, хотя знала: Алази просто так болтать не станет.

Врать у вампиров не принято. Они могут чего-то недоговаривать, долго ходить вокруг да около, объясняться иносказательно и в конце концов так запутать, что человек искренне уверится: белое — это черное. Но врать напрямую не станут. Не их стиль.

— Да, — выдохнул он. — И это было не единожды.

Я задумалась. Неужели в Загорске появился еще один некромант? Мысль эта отозвалась противным холодком, скользнувшим вниз по позвоночнику. И мои волнения не были связаны с банальной конкуренцией. Если дипломированный специалист по нежити решит обосноваться здесь надолго, он вполне может сдать меня магам не только как практикующую незаконно, а значит, шарлатанку (что само по себе довольно скверно закончится), но и как женщину-некроманта. Официально маги не признают наличия дара некромантии у женщин. Но прецеденты бы-

вали и раньше. Давным-давно существовал целый орден «Черной розы», что был безжалостно уничтожен не без участия в кровавом действе вампиров. Раз в древности пал целый орден, что помешает расправиться с единственной некроманткой сейчас? Правильно. Ничего. Поэтому чем меньше народа обо мне знает, тем лучше.

— И ты можешь показать, где это было? — поинтересовалась я, понимая: Алази не станет что-либо утверждать, не подготовив предварительно убедительные доказательства.

Интересно, доложил ли он Баркиароку о своем открытии? И заинтересовала ли эта новость принца местных вампиров? Пусть Алази официально считался моим рабом, Баркиарок все равно является его принцем, и я не питала иллюзий, чью сторону выберет рыжеволосый в случае чего.

— Разумеется, — насмешливо сообщил он, подхватил меня под руку и решительно повлек во тьму.

Над нашими головами, слегка попискивая, кружила стайка летучих мышей.

Я без труда определила направление и пришла к выводу, что движемся мы в сторону сравнительно свежих могил. Недавно умерших проще поднять. Возможно, именно поэтому неизвестный выбрал одно из таких захоронений.

— Постой. Ты точно уверен, что не спутал *мой* ритуал с чьим-то еще? — на всякий случай уточнила я. — Недавно я сама проводила несколько обрядов где-то здесь. Я, конечно, прекрасно отношусь к ночным прогулкам, но предпочитаю не путать удовольствие с работой и не светиться лишний раз на кладбище, чтобы не рисковать. Кто-нибудь может узнать меня и начать задавать ненужные вопросы.

— Моя госпожа, в этом одеянии не разглядеть лица и не определить пол. Кто сможет с точностью опознать именно тебя? Твои страхи совершенно беспочвенны, — заверил

вампир, но мне от его слов отчего-то легче не стало. — А насчет ритуала... я полностью уверен, что его проводила не ты.

— Ты такой знаток некромантии? — удивленно изогнула бровь я.

— Нет, конечно, — сверкнул клыкастой улыбкой Алази. Обычно он не демонстрировал свои зубки. Большинство вампиров вполне может скрывать свою суть, если пожелает. Это объясняет, как им удавалось веками выживать среди не слишком дружелюбно настроенных к ним людей. — Ритуал несколько отличался от твоего.

— А именно?

— Видишь ли, животных убивали медленно и мучительно. Достаточно медленно, чтобы я почувствовал их страдания даже на значительном расстоянии, но недостаточно, чтобы я решил, будто это профессионал. Как известно, чем мучительнее смерть, тем больше энергии высвобождается. И я заинтересовался магическим действием только потому, что раньше ты всегда пренебрегала этим условием. Да и в жертвы выбирала кур, коз или овец, а не собак и кошек, — охотно пояснил он.

Что ж. С этим не поспоришь. Некромантия основана на магии крови и поэтому требует жертв. Можно либо приносить в жертву животных для сотворения с помощью их крови магического круга и рун, либо отнять несколько лет жизни у людей. Для очень сложных ритуалов требовались человеческие жертвоприношения, именно поэтому многие разделы некромантии вообще, и магии крови в частности, были запрещены Советом магов. Я предпочитала приносить в жертву кур, коз или овец, которых потом можно спокойно отправить на жаркое, и научилась дарить смерть легкую — на одном дыхании. Не люблю напрасных мучений. Животным и так приходилось расставаться с жизнью, так зачем еще и издеваться над несчастными жертвами?

Мы бесшумными тенями скользили в темноте. Вампир прекрасно видел даже ночью, а я хорошо ориентировалась на знакомом кладбище, да и в некромантии есть свои преимущества — ночное зрение гораздо лучше, чем у обычного человека. К тому же я отчетливо чувствую смерть, как старую, так и недавнюю. Эта особенность восприятия позволяет избежать ненужных болезненных встреч с надгробиями, оградками и памятниками. Я и в могилу чуть не угодила лишь потому, что постоянного обитателя в ней еще не было. Хотя в этом случае яму бы уже зарыли...

ГЛАВА 2

Могила, над которой изволил поглумиться неизвестный некромант, ничем особо не отличалась от расположенных рядом. Относительно свежий холмик земли еще не успел окончательно осесть, но сквозь рыхлый пласт уже пробивались зеленые ростки кладбищенской травы. Самый дешевый памятник из серого камня. Надпись свидетельствовала о том, что здесь нашел свое последнее пристанище некий Мотий Понкратий девяноста восьми лет. Всего два года не дотянул старик до своего столетия. Ограда отсутствовала вовсе. Возможно, ее просто не успели установить, так как, судя по дате смерти, Мотий скончался десять дней назад. А конкурент не дурак.

Пытаться поднять покойника прежде, чем минует девять дней с даты смерти, легче, но себе дороже. Даже начинающему магу известно: девять — магическое число. Девять месяцев необходимо, чтобы человек появился на свет. Девять дней нужно душе, чтобы окончательно порвать узы, связующие ее с телом. Поднимать в этот период мертвеца — значит, получить в нагрузку призрака. При чем фантом обычно сильно расстраивается из-за бесцеремонного обращения со своим прошлым пристанищем.

Конечно, разбушевавшегося призрака можно развоплотить, но на этот процесс нужно потратить время и магическую энергию, что чревато потерей концентрации во время ритуала. В итоге восставший мертвец получит дивную возможность полакомиться вызвавшим его некромантом. А если этого и не произойдет, то велика вероятность, что обозленный призрак увяжется за вызывающим или собственными родственниками и с радостью примется портить им жизнь, звучно гремя цепями по ночам и с чувством завывая в каминных трубах. Короче, и нервы попортит, и уснуть в собственном доме не даст. К тому же, куда бы ни отправился предмет издевательств фантома, неуспокоенный, словно верный пес, отправится следом и продолжит творить свои пакости. Такого нежеланного спутника крайне сложно развоплотить, так как для ритуала необходимо, чтобы призрак проявился (а он как раз не желает этого). В общем, отловить разбушевавшийся полтергейст — задача еще та.

Я с интересом тщательно обследовала место предполагаемого ритуала, но не нашла никаких ярко выраженных следов его проведения. Ни гордой надписи: «Здесь бесчинствовал злобный некромант! Поймай, если сможешь!», ни остатков крови или шерсти принесенного в жертву несчастного животного (а ведь, со слов Алази, зверька замучили, и хотя бы магические следы просто обязаны остаться), ни круга, ни магических надписей. Ничего.

Я обошла могилу трижды, используя для подсветки небольшой магический светильник-огонек, так как в крошечной темноте даже с моим природным ночным зрением можно запросто упустить что-нибудь важное. Подобные светильники стоят дорого, но, как по мне, вполне окупают потраченное золото. Они не гаснут от ветра, будут исправно светить во время дождя, снега и даже под водой, пока не растратят весь запас энергии полностью.

Я могу заряжать его самостоятельно, а это — несомненный плюс.

— Ты уверен, что место именно то? — поинтересовалась я у застывшего безмолвной статуей Алази.

Вампир явно не собирался мне мешать и стоял на достаточном расстоянии, чтобы не фонить даже случайно.

— Уверен, — спокойно сообщил он, сверкнув разноцветными очами в мою сторону, отчего я почувствовала себя неудобно, словно самозванка, которую вот-вот разоблачат.

Почему-то в присутствии некоторых постоянно ощущаешь себя жалкой неумехой, даже если это не так. Я упрямо помотала головой, стряхивая глупое чувство неловкости, но удалось стряхнуть только капюшон собственного плаща с блондинистых локонов. Лицо обдало ночной прохладой летней ночи. Скоро. Скоро наступит утро, и на отдохнувшую за ночь от дневного зноя траву упадут капли росы. Нужно было спешить, если я рассчитываю попасть домой до света. Ночью проще слиться с тенями и проскользнуть в дом незамеченной, скрывшись от любопытных вездесущих соседских взглядов. В конце концов, я проделывала этот трюк не единожды и все еще продолжаю совершенствоваться в своем мастерстве, ибо нет предела совершенству, но к нему следует стремиться со всем упорством.

Я раскинула руки, закрыла глаза и потянулась к некромантии, что была дарована мне от рождения и дремала где-то глубоко внутри, ожидая нужного момента. Иногда она напоминала зверя, насытившегося недавно проведенным ритуалом поднятия мертвеца для очередного клиента и сладко дремлющего. Будто уставший после удачной охоты и разомлевший от обильной еды хищник, сейчас она спала, свернувшись уютным клубком, но стоило лишь осторожно нащупать ее, ласково потормошить, поманить обещанием чего-то интересного, любопытного, как она

пробудилась, всколыхнулась, потягиваясь, разминаясь, и устремилась к кончикам пальцев густым, тягучим, как мед, потоком.

Магия вырвалась наружу, с любопытством младенца ощупывая окружающий мир, пробуя его на вкус. Я ощутила, что здесь недавно действительно проводился ритуал. Смерть, страшная и мучительная, отзывалась ломотой в зубах, гадким, липким привкусом ужаса на губах, сильным до тошноты, до спазмов в желудке. Впрочем, мне было бы гораздо противней, но неизвестный облегчил мою участь, сам того не желая. Он тщательно затер следы проведенного ритуала, как физические, так и магические. Либо конкурент по природе своей аккуратист и предпочитает не оставлять за собой мусор, либо просто не желал, чтобы его обнаружили всякие любопытствующие. И ему это почти удалось. Уверена: скоро здесь не останется даже намек на магический фон, словно и не было никакой попытки поднять мертвеца из могилы. Да и сейчас нужно было точно знать, где искать, чтобы что-либо ощутить.

Единственное, что меня искренне обрадовало, — покойный лежал в своей могиле в собственном гробу и вовсе не думал его покидать. Не хватало еще искать оживший труп и загонять его обратно. Занятие, надо сказать, долгое, нудное, рискованное и неблагодарное. Да и вряд ли подобное дело удастся провернуть без шума и пыли.

В большинстве своем восставшие мертвецы медлительны, от них относительно легко убежать, и это плюс. Но они постоянно жаждут чьей-то плоти, причем желательно человеческой, а это явный минус. Они никогда не спят, находясь в вечном поиске, чем бы набить ненасытное брюхо, значит, жертв избежать не удастся. Тем более если ловить зомби в гордом одиночестве, не привлекая внимания магов.

Я облегченно вздохнула. Пока покойный в могиле, поступок неизвестного тянул на хулиганство вкупе с жесто-

ким обращением с животными, но хотя бы человеческих жертв нет. Можно расслабиться. И я открыла глаза. Именно этот момент моей почти блаженной расслабленности выбрал зловредный дух покойного, чтобы внезапно выскочить из-под ног, обдав могильным холодом, и громко крикнуть в ухо:

— Бу-у-у!!!

Я неприлично взвизгнула, подпрыгнула в воздух метра на два, а то и больше и непонятным образом очутилась на руках у Алази, крепко обвивая хладную вампирскую шею с пылкостью истосковавшейся по ласкам возлюбленной.

— Моя госпожа, — невозмутимо молвил Алази, — я высоко ценю твое особое ко мне отношение, но, смею заметить, нервы следует своевременно лечить. Попей ромашкового чаю, что ли, или корень валерианы завари. Испугаться призрака недостойно некромантки.

Будто я сама этого не знаю.

— У-у-у, — гнул свое мерзопакостный призрак, успешно копируя завывание ветра в трубах. — Пожаловали, извращенцы! Повадились оргии на могилах устраивать да животных мучить... ужо я вас...

Я осторожно спустилась с рук вампира, оправила сбившийся плащ и возмущенно воззрилась на взъерошенного призрака. Меня за мою жизнь много как именовали, но чтобы извращенкой — такого еще не бывало. Да и для оргии, по моему мнению, нужно более двух участников, но здесь спорить не стану. Мужик, протянувший до девяноста восьми лет, вполне может оказаться более осведомленным в этих вопросах.

Уж не знаю, какие наряды предпочитал старик при жизни, но его фантом был облачен в живописный саван, развевавшийся за ним, как плащ за кавалеристом в момент атаки. Лохматость его бороды и волос превышала все мыслимые и немыслимые пределы. Руки так и тянулись к расческе, чтобы привести в порядок это безобразие.

— Что это ты, любезный, раздуделся тут? Разве с твоей кончины девять дней не прошло? Все порядочные души к этому времени покой обретают, а не становятся призраками и не пугают прохожих своим гнусным видом да воплями, — попыталась приструнить распоясавшийся фантом я. — Девяносто восемь лет, а поведение совершенно неподобающее. Как тебе не ай-ай-ай?!

Но не тут-то было. Призрак вовсе не собирался краснеть и пристыженно исчезать, вместо этого он подбоченился и наглым образом спросил:

— Сдурела, девка?! Какие прохожие могут быть в первом часу ночи на кладбище?! — Ну что тут скажешь? Старик прав. Редко кто шатается по погосту ночью. Как-то не располагает место к ночным прогулкам, и все тут. — А еще вампира с собой приволокла да магией мое тело щупала. Небось некромантией решила побаловаться, а упыря посмотреть на свои забавы приволокла, извращенка! И дружок твой — извращенец. И вся родня — сплошные извращенцы...

Не знаю, как насчет Алази, может, в его отношении утверждения фантома и верны. В самом деле, какой нормальный вампир наплюет на гордость и отправится пусть во вполне комфортабельное, но тем не менее в рабство к смертной? Правильно. Только извращенец. А в остальном почивший Мотий загнул. Возможно, он еще при жизни выжил из ума, оттого и не может отличить приличную некромантку от любительницы кладбищенской экзотики. В ответ я подбоченилась и, как мне показалось, уничижительно фыркнула:

— Очень надо любоваться на твои траченные червями останки! Да меня от твоего призрака уже тошнит!

— Если ты, девка, беременная, то на наследство можешь не рассчитывать! — подозрительно сощурился призрак. — Я уж точно тут ни при чем. Впервые вижу твою наглую персону. Вот девки бесстыжие пошли, даже после

смерти покою нет! Все своих ублюдков пристроить норовят.

От возмущения я покраснела так, что даже в темноте заметно стало, но только я приготовилась сообщить старому развратнику, что от такого придурка, как он, заводить детей решится только самая отчаявшаяся в стране женщина, как слово неожиданно взял Алази:

— Любезная Ангелла, стоит ли так расстраиваться из-за мелочных претензий неупокоенного призрака? — Он деликатно сгреб мою лапку и запечатлел галантный поцелуй, чем ошеломил не только меня, но и разбушевавшегося Мотия Понкратия. Вернее, его призрака. — Бедолага явно впал в старческий маразм еще при жизни, а в посмертии не способен вспомнить даже собственное имя. Он утратил самого себя, вот и кидается на всех подряд. Мы напрасно теряем время, а ты рискуешь подхватить жестокую простуду. Ночь сегодня слишком прохладная. Если ты расхвораешься, я себе этого не прощу. Пойдем поскорей отсюда. Утром же сообщим об этом субъекте кому следует. Пусть развоплотят бедолагу. Сдается мне, его уже заждались... там...

Алази сделал исполненный изящества жест кистью правой руки, из которого следовало, что зарвавшегося грубияна ожидают явно не в райских кущах.

Я подавила в себе желание ехидно сообщить вампиру, что ночи стоят не такие уж холодные, я тепло одета и, на зло ему, переживу даже бубонную чуму, но не стала. Надо отдать должное Алази, умеет он припечатать метким словом даже кладбищенский фантом. Вон как призрака перекосило, даже побледнеть умудрился еще больше, почти растворившись в воздухе от возмущения. А не будет хамить незнакомым дамам. Впрочем, и знакомым хамить тоже не стоит.

Между тем Алази самым светским манером предложил мне руку и неспешно повлек по едва заметной во тьме тропинке между могил.

— Это я-то не знаю, как меня зовут?! — гневно возопил вслед фантом. — Да я уже девяносто восемь годков Мотий Понкратий! Уважаемый человек, между прочим. Да вы еще пеленки пачкали, когда прежний градоправитель (не чета нынешнему шелкоперу Лемносу) мне руку жал и по плечу хлопал. Вот.

Призрак гордо приосанился, надулся от важности, будто мыльный пузырь, того и гляди лопнет.

Положим, про Алази он загнул. Не знаю, пачкают ли истинные вампиры пеленки (О них вообще мало известно, и немудрено. Нежить всегда предпочитали убивать, а не расспрашивать о нравах и обычаях), но, сдастся мне, рыжеволосый благополучно отпраздновал не один столетний юбилей. Конечно, об истинном возрасте Алази я могу лишь догадываться, но уверена: вампир при любом раскладе не мог пачкать пеленки в момент расцвета карьеры Мотия.

Алази притормозил, хотя особой нужды в этом не было. Мы и так двигались черепашьям шагом, совершенно никуда не торопясь.

— Экая невидаль — помнить собственное имя, — неопределенно пожал плечами вампир. — Оно на памятнике крупными буквами высечено, любой прочтет, кто грамоте обучен.

Призрак взвился и устоял на собственное надгробие так, словно из него вот-вот должен был показаться целый змеиный выводок и уязвить неупокоенный дух специальным противопризрачным ядом. Не узрев ни единой рептилии, он сдулся как воздушный шар, из которого вдруг выпустили весь воздух, сделался жалким и поникшим, словно старый скомканный носок под кроватью.

— Так я же все помню, — неуверенно пролепетал он.

— Так уж и все? — уточнил вампир, оборачиваясь, и даже голову склонил набок недоверчиво. — А вот я проверю.

— Ну и проверь! — возрадовался Мотий и явно воспрянул духом.

— А и проверю, — слегка, самыми уголками губ усмехнулся Алази. — Недавно на твоей могиле был ритуал. Ты можешь рассказать нам, кто его проводил и в чем он заключался? Все действия, последовательно, шаг за шагом. Вот мы и проверим...

Вампир говорил так уверенно, будто правда знал все, что делал незнакомый некромант, а его вопрос — действительно всего лишь оригинальная проверка памяти. Даже я чуть не поверила, замерла и, кажется, затаила дыхание, чтобы не спугнуть ненароком робкую птицу-удачу.

Зловредный дух задумался. Интересно, о чем? Такое впечатление, что его могила — популярное место паломничества некромантов и ритуалы с жертвоприношениями проводятся здесь так часто, что он перебирает из нескольких десятков вариантов.

— Так это... темно же было, — растерянно взлохматил и без того лохматую фантомную бороду дед. — Да и в плаще он был, а капюшон почти до самого рта натянул, чтобы не узнал никто.

Вот тебе и описание. Плащи с капюшоном почти в каждом доме имеются. Проверить алиби каждого счастливого обладателя весьма распространенной вещи нереально.

— А помимо плаща? — не сдавался вампир. Видимо, клыкастый не готов был так запросто смириться с поражением. — Какой он? Высокий, низкий, худой, толстый... И, кстати, почему «он», а не «она»?

Призрак шумно вздохнул:

— Голос. Голос был явно мужской. А внешность? — Мотий усиленно поскреб пятерней затылок. — Так говорю же... в плаще был. Плащ длинный, темный. Под ним особо и не разглядишь, каков человек... Сутулился, кажется...

«Кажется? — тихо вздохнула про себя я. — Когда кажется, креститься надо». Похоже, птица-удача все-таки упорхнула. Поманила хвостом и была такова. Описание в стиле: «Где-то там бродит злобный некромант... Ату его, если сможете!» Кстати, об «ату!». Идея светлым проблеском мелькнула в мозгу и засела там, требуя решительных действий.

— Ну а ритуал? — осторожно поинтересовалась я, не совсем уверенная, как призрак отреагирует на мою реплику.

Может, окончательно разобидится и растворится в воздухе. Только мы его и видели. Но ведь попытка не пытка.

— Что ритуал? — выкатил на меня белесые глазищи призрак.

То ли жути хотел нагнать, то ли привычка у него такая.

— Как сам ритуал проходил?

Мотий взъерошил лохматые патлы сразу двумя пятернями, пожал плечами:

— Ритуал как ритуал. Ничего особенного. Приволок кота, накорябал что-то явно непотребное, свечек везде понатыкал, стал несчастное животное мучить. Бедняга так орал, что я с того света вернулся — объяснить живодеру, как он плохо себя ведет.

— И как? Подействовало? — заинтересовалась я влиянием пылкой речи о недостойном поведении некроманта непосредственно на некроманта.

— Что именно? — искренне удивился Мотий, и его туманные кустистые брови удивленно поползли вверх.

— Слова на лиходея, — охотно пояснила я. — Может, он прислушался к доводам человека старше его, раскаялся и больше не станет тревожить мертвых?

В моем голосе звучали робкие нотки надежды. Глупо, конечно, всерьез рассчитывать на то, что вступивший на путь некромантии одумается и откажется от собственных планов. Но уж больно не хотелось проводить ночи напролет, патрулируя кладбище в поисках неизвестного, таская

за собой на буксире вампира в качестве персонального телохранителя. Бросить вызов неизвестному любителю кровавых ритуалов и тем более встречаться с ним один на один я уж точно не собиралась. Пусть моя работа — поднимать мертвых из могил, но инстинкт самосохранения никто не отменял.

— Разумеется нет, — обиженно выдохнул призрак, явно переживая по поводу невосприимчивости неизвестного некроманта к рекомым истинам. — Продолжал свои бесчинства, словно и не видел меня вовсе. Затем сплюнул, долго ругался... Хоть прибрал за собой — и то хорошо. Видать, не совсем еще пропащий человек...

— А где он стоял? — выжидательно изогнула бровь я.

— Так естественно — в трех шагах от того места, где ты теперь стоишь, — не стал запираяться Мотий и даже охотно ткнул призрачным пальцем в ту сторону, чтобы я уж точно поняла, о каком именно месте идет речь.

«Вот оно!» — внутренне возликовала я. Не то чтобы я умела читать чьи-то следы как открытую книгу (на мой взгляд место, куда указала длань фантома, ничем не выделялось среди других мест на кладбище, там даже трава примята не была), но идея, как использовать полученное знание, у меня возникла. Я не стала подходить ближе, чтобы не затоптать ненароком следы, если они там имелись.

— Алази, — мило улыбнулась я вампиру, постаравшись вложить в движение губ все обаяние, на которое только способна. Общение с нежитью легким не назовешь, оно напоминает блуждание рыбака по тонкому льду: никогда не знаешь, то ли провалишься, то ли вернешься домой целым и невредимым.

— Я весь внимание, моя госпожа, — учтиво молвил он, слегка согнувшись в поклоне, и на красиво очерченных губах присутствовала некая тень насмешки.

— Окажи мне любезность, сходи за собаками, — вежливо попросила я. — Только они сумеют помочь нам, взяв

след. Разумеется, я могу сходить и сама, но это будет гораздо дольше.

Я бросила в его сторону умоляющий взгляд и даже слегка похлопала ресницами для пушшего эффекта. Средство проверенное и на мужчин действует безотказно, но с вампирами всегда сложно. Они живут слишком долго, и, чтобы их удивить, нужно нечто большее, чем красивые глазки. Заставить Алази сделать что-то против его воли практически невозможно. В теории, как мой раб, он должен слушаться, тем более прямых приказов. Но на самом деле рыжеволосая нежить знает множество лазеек, чтобы обойти любое распоряжение, извратив его по своему усмотрению. Чтобы подобного не случилось, порой приходится последовательно перечислять все, что он делать не должен. А это нудно и утомительно.

— Моя госпожа, — его голос с мягким придыханием будоражил, словно поцелуй возлюбленного, — я готов ждать тебя целую вечность.

Я тяжело вздохнула. Уточнять, что в отличие от одного наглого вампируги в запасе вечности не имею, не стала. Демоны с клыкастым. Видно, действительно, если хочешь, чтобы что-то было сделано правильно, — сделай это сама. Но я ошиблась.

Алази отвесил куртуазный поклон в мою сторону и исчез. Нет, он вовсе не умел обращаться в туман и эффектно просачиваться в любую щель. Просто вампиры способны двигаться настолько быстро, что их движения для смертных неразличимы.

Между тем призрак преспокойно расположился на собственном надгробии и предложил мне сделать то же самое.

— Садись, девка, в ногах правды нет, — наставительно сообщил он.

Но я вежливо отказалась. Не то чтобы я совсем не устала за время прогулки, просто использовать чьи-то памят-

ники в качестве кресла как-то неправильно. Да и сидеть на камнях для женского организма вредно.

— Ну нет так нет, — ничуть не расстроился тот. — Ты бы к кавалеру своему пригляделась получше. Неплохой экземпляр, поверь старику. Смазлив, исполнительен: девкам такие нравятся. Да и одевается хорошо. Глядишь, при нем и ты перестанешь рядиться как последняя задрипанка, а купишь себе приличное платье или даже два.

На мой взгляд, успех у противоположного пола — вовсе не такой уж и плюс. Скорее минус. Пожалуй, если воздыхательниц отгонять, не одну скалку изведешь. А платья у меня и так имеются, о чем я ехидно сообщила фантому. Пусть знает, что я и сама вполне могу о себе позаботиться. Чай, не нищенка и не оборванка какая-то, а некромантка со стажем и травница с хорошей репутацией. Мои снадобья для лучших домов Загорска приобретают. Да и на шморлях тоже неплохо зарабатывать удастся. Если ты единственный можешь исцелить какой-то недуг — это приносит хороший доход.

— Нашла чем гордиться, — презрительно фыркнул Мотий, и я начала понимать, почему старик не дотянул до своего столетнего юбилея. Видно, он так достал свою родню нравоучениями, что те не выдержали и однажды ночью придушили зануду подушкой. — Послушай старика, девка, я-то уж пожил... жизнь знаю... Держись мужика. Женщина без мужчины — что виноград без опоры, так и увянет в пыли и плодов не даст. Да и по безлюдным местам с кавалером таскаться не след. Сначала пусть женится, а уж потом по углам тискает и за коленки щиплет. А то ведь разные случаи бывают... походят-походят и — бац! — Он с размаху хлопнул по собственному колену, звука не извлек, но я вздрогнула. — Девица беременна, а он — фьють! — и улетел, как пташка вольная.

Я поперхнулась. Хорошего же призрака обо мне мнения!

— А, по-твоему, куда мне с кавалером идти следует? — саркастически хмыкнула я.

— Как куда? — продолжил Мотий, явно польщенный моим вниманием. — В хороший трактир. В «Серебряного единорога», например.

— Думаешь, он там напьется и перепишет на меня все состояние? — наивно округлила глаза я.

Ошеломленный внезапно обнаружившейся у меня деловой хваткой, Мотий удивленно крикнул, затем хихикнул, словно ось несмазанной телеги скрипнула, и хитро погрозил мне старческим узловатым пальцем.

— Эх-х, девка! А ты не такая уж дурища, цепкая. Тебе, пожалуй, палец в рот класть не следует — всю руку по самый локоть откусишь и не подавишься, — с каким-то особым хитровато-изучающим прищуром сообщил он.

Я польщенно потупилась. Доброе слово и кошке приятно, а уж молодой девушке — и подавно. Пусть даже исходит оно от неупокоенного духа.

— Только разве ж он в трактире напиться может? Он же вампир. Упырь, крови алчущий, — выдохнул призрак со зловещим завыванием и даже умудрился раздуться, стать больше и страшнее.

Я некромант и в своей практике повидала многое, но в этот момент по спине пробежали мурашки. Конечно, произойди все это ярким солнечным днем где-нибудь в людном месте, а не на погосте, эффект был бы явно не тот.

— Ты вот что, девка, слушай сюда. Я плохого не посоветую. Я пожил, уж я-то знаю... Ты в «Серебряного единорога» кавалера своего не води. Не надо. Напитков там много, но, сдается мне, нужного не найдется даже за хорошую мзду. Ты его в «Дикую утку» веди. Заведение на любителя, но вполне с виду пристойное. А репутации «Дикой утки» не бойся. Народец там собирается своеобразный, суровый.

«Ага. Бандюганы отборные», — мысленно хмыкнула я. Об этом воровском притоне ходило множество слухов.

Призрак поскреб бороду и продолжил:

— Глядишь, упырь твой и не распознает, что к чему. Ты пальчики вот так, по-особому скрести. Когда подавальщица подойдет, незаметно знак ей покажи. Она уж расстается и укажет, кому свое фирменное пойло приносила. Небось после такого ядерного гномьего самогона кавалер твой не только дарственную подпишет, но и прошение о собственной казни в Совет магов настроит и сам гонца оплатит. Ты, главное, сначала к нотариусу за бумагами заскочи. Он тебе все в лучшем виде обтяпает. Будь спокойна, не сомневайся.

— А как же я вампира на самогонку уговорю? — на всякий случай уточнила я у неожиданного наставника и даже глазами похлопала удивленно. — Сам же сказал: не пьют они ничего, кроме крови человеческой.

— Ох, девка! — зацокал языком дух, но видно было, что мой интерес ему приятен. — Чему вас, молодых, только мамки с папками учат? Ведь сами, без чужой подсказки, ни до чего додуматься не можете. В «Утке» собирается народец зачастую совсем пропащий. У них этот гномий самогон уже вместо крови по жилам течет. Небось отведаст вампир, да и сам захмелеет...

Именно этот драматический момент в повествовании избрал Алази для своего эффектного появления в компании трех собак. Честно говоря, я так увлеклась разговором, что умудрилась благополучно прозевать приближение рыжеволосого и от неожиданности подпрыгнула метра на три над кладбищенской землей. Обозрев несколько могил с высоты, благополучно приземлилась, чуть не вывихнув лодыжку. М-да. Нервишки точно подлечить надо. Не забыть дома заварить хороший чай с корнем валерианы. Пожалуй, выпью еще чашечку ромашкового для закрепления положительного эффекта.

— Алази... — рассерженной змеей прошипела я. — Тебе следует носить с собой колокольчик или хотя бы топать погромче.

Мои слова вызвали лишь мимолетную улыбку.

— Готов служить своей госпоже любым способом, — поклонился он.

И почему-то в его устах простая фраза прозвучала предложением с подтекстом.

Слышал ли Алази то, как мы с призраком активно перемывали ему кости, для меня осталось загадкой. С одной стороны, лицо вампира не выражало никаких эмоций и вообще не было видно, чтобы Алази как-то заделали наши слова. С другой — у вампиров просто изумительный слух. Я где-то читала, что этот вид нежити способен расслышать собственное имя, находясь в склепе за городом, причем не просто услышать, но и явиться во плоти в кратко сжатые сроки, дабы поинтересоваться, кого это угораздило поминать его темное имя всуе. Впрочем, тут возникает сразу несколько вопросов. Какой величины город? Может, это вообще маленькое городишко рудокопов, насчитывающий не больше десяти дворов и именующийся городом из вежливости. Или сам человек, по неосторожности назвавший имя старого вампира (молодняк не отличается таким острым слухом, потому на него проще охотиться), стоит рядом с воротами и орет во все горло. В любом случае, имени Алази мы не называли, а значит, есть шанс, что вампир не прислушивался к нашему задуманному разговору с далеко идущими планами. В самом деле, каким разумом нужно обладать, чтобы вслушиваться в каждый разговор в городе? Тут и дурачок с ума сойдет.

Немного успокоив себя этими умозаключениями, я привычно потрепала собак по холкам и подвела животных к месту, где стоял некромант во время ритуала, скомандовав: «Ищи!»

Собаки завертелись, шумно внюхиваясь в кладбищенскую траву, громко фыркая, недовольно дергая хвостами. Псы еще повозились, затем дружно шмякнулись на зады, вперили в меня печально-недоуменный взгляд и заскулили, расписываясь в собственном бессилии.

— Халтурщики лохматые, — сварливо констатировал Мотий. — Морды отъели так, что в дверь небось не в каждую пролезают, а толку нет. Пустобрехи несчастные.

— И ничего не пустобрехи, — вступилась я за любимцев. Собаки достались мне по случаю. Ветераны боев на арене, они погибли в очередной схватке, но даже в этом случае обошлись дорого. Просто удивительно, сколько народу хотело иметь как сувенир на счастье частичку такого пса, а еще лучше — целое чучело. Странно: если самим собакам их шкуры счастья не принесли еще при жизни, почему люди думают, что после смерти они станут излучать флюиды счастья? Загадка. — Просто некромант оказался дальновидным и тщательно затер не только следы магии, но и свои собственные.

— Тебе просто жаль этих скотинок... — фыркнул призрак и ткнул в сторону собак призрачным пальцем.

Псы злобно зарычали. Покусать фантом, конечно, не получится, но предъявить клыки для острастки — святое. Алази прошествовал к месту неудачного вынюхивания и присел на корточки с таким изяществом, словно репетировал сложный красивый танец. Собаки тут же засуетились вокруг, две упали на спину, подобострастно подставляя животы, выпрашивая пусть мимолетную, но ласку, а третья положила голову на колени вампира и устремила на него взор, молящий о нежности.

«Предатели!» — кольнула горькая мысль. Ревную? Конечно. А кто бы на моем месте чувствовал себя иначе? Это моя магия заставила биться их когда-то остановившиеся сердца, срастила страшные раны, оставленные чьими-то огромными зубами, не дала телам разлагаться, подарила долгую не-жизнь. Я заботилась о них, кормила, выгуливала, относилась к ним лучше, чем кто-либо в их полной боев жизни, а стоило вампиру появиться, меня променяли. Меня — красивую, блондинистую, хрупкую, беззащитную! Ну, положим, не совсем беззащитную, но зато

обаятельную. На кого? На залетную нежить! Обидно до кончиков пшеничных волос.

Бледная рука вампира нежно, почти любовно коснулась примятой травы. Длинные пальцы мимоходом вырвали несколько растений, тщательно растерли, поднесли к породистому носу. Алази втянул запах с видом парфюмера, открывавшего аромат новых дорогих духов, и поморщился.

— Поддерживаю госпожу, — принял мою сторону вампир. — Тот, кто этой ночью пытался поднять из могилы мертвеца, либо очень осторожен, либо стер следы просто на всякий случай. Нам сильно повезло, что собаки не живые изначально. Живым отбило бы нюх, возможно, навсегда.

Я застыла от подобной жестокости. Чем не угодили неизвестному некроманту разные бессловесные твари, что он решил мстить им до последней капли крови самих тварей? Сбрызнул бы следы специальным отваром, и собачки просто не смогли бы взять след, так как не сумели бы выделить нужный запах из множества. Так ведь нет. Нюха напрочь лишить надо.

— Все равно пустобрехи, — упрямо резюмировал старик и растворился в воздухе, не дав шанса даже попробовать опровергнуть его утверждение.

Видимо, Мотий привык оставлять последнее слово за собой. Ладно, Всевышний с ним. В конце концов, много ли радостей у призрака? Обижаться на него я не стала.

Алази, видно решивший играть роль галантного кавалера до конца, предложил проводить меня до дому. Проживай я на окраине, где, по большому счету, соседям глубоко плевать, в чьей компании ты возвращаешься домой и вернулась ли туда вообще, наверное, я бы согласилась на его компанию. Но увы. Мои соседи глазасты, обладают прекрасным слухом и такой богатой фантазией, что иные барды обзавидуются. Репутацию одиноко проживающей

девушки запятнать легко, а обелить практически невозможно. Поэтому я со всей вежливостью, на которую только была способна, отказалась и в ответ предложила ему проводить до дому собак, а то им одним идти наверняка очень страшно и одиноко. Разумеется, вампир не поверил в трепетную пугливость здоровенных бойцовских псов в кожаных ошейниках шипами наружу. Покрытые боевыми шрамами тела явно свидетельствовали о том, что собачек сложно чем-либо испугать. Но Алази спорить не стал, просто растянул губы в улыбке. И не поймешь — обрадовался, огорчился или ему вообще все равно, доберусь я до дома в целостности и сохранности или сгину где-нибудь по пути, а лишенное одежды бездыханное тело всплывет в водостоке, пополнив печальную статистику нераскрытых городской стражей преступлений.

ГЛАВА 3

Покинув молчаливое кладбище, я, осторожно кутаясь в тень домов словно в плащ, скользила по негостеприимным и с виду пустынным ночным улицам. Магию старалась не использовать. Лишнее внимание привлекать ни к чему. На первый взгляд темные громады домов, возвышавшиеся по правую и левую руку от меня, выглядели безобидно. Будто их обитатели давным-давно почивают мирным сном праведника и видят нечто прекрасное. Но я далеко не так наивна, чтобы доверять первому впечатлению. Опыт подсказывал, что за закрытыми ставнями кипит ночная жизнь, да и темные улицы, где даже обычных фонарей нет, не то что магических, далеко не так безлюдны, как кажется.

Если приглядеться внимательнее, можно различить тень наемного убийцы, крадущегося по своим делам. В подворотне притаилась пара грабителей, а разбитная де-

ваха в едва прикрывающем худое от постоянного недоедания тело платье настойчиво предлагала этим работникам ножа и топора отведать прелестей грошовой любви, скрасив тем самым тягостное ожидание будущих потерпевших. Грабители вяло отмахивались от приставаний, пространно мотивируя отказ не отсутствием мужской силы, а небывалой ловкостью выслеживаемых жертв, нагло избегавших встречи. Вот ежели она желает одарить их любовью бесплатно, в порядке очищающей душу благотворительности, то они всегда согласны. Девица на некоторое время притихла. Работать вообще не каждый хочет, а уж бесплатно — и подавно. Для этого надо быть истинным фанатиком своего дела, а уличная проститутка таковой не являлась. Девица была из тех, чья щедрость и доступность напрямую зависят от оплаты предлагаемых услуг. За вознаграждение она готова щедро дарить плотские утехы вместе с заболеваниями, идущими рука об руку с представительницами ее профессии, а также вполне способна пощекотать кинжалом ребра клиентов, что, отведав утех, выпадают в забывчивость и от сговоренной оплаты отказываются.

Несколько минут она задумчиво наматывала на палец сомнительной чистоты локон, явно обдумывая ситуацию, потом вздохнула и предложила открыть таким бравым парням кредит, а на последующие услуги посулила некоторую скидку. Разумеется, чисто из любви к работникам ножа и топора вообще, и к конкретным представителям этой дивной профессии в частности. Оно и понятно. За услугами девицы тоже явно очередь не выстраивалась, а перспектива получить оплату после — лучше, чем не получить вообще ничего.

Грабители с тоской окинули взглядом пустынную улицу, оценили шансы изловить кого-то, в чьих карманах завалялась хотя бы пара медяков, тяжело вздохнули и ударили с предприимчивой девицей по рукам.